

К слову...

Анна
Попова

Анна Попова

Книга издана к 100-летию со дня рождения
доктора филологических наук, профессора,
Заслуженного деятеля науки РСФСР
Ростислава Николаевича Попова

К Слову...

поэтический сборник

Орёл · 2025

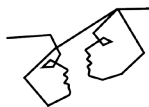
УДК 82-1
ББК 84 (2р)
П 58

П 58 Попова Анна. К Слову... – Орёл: ООО «Горизонт»,
2025. – 64 с.

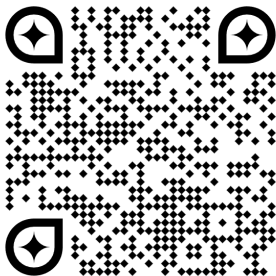
Во главе этого поэтического сборника – язык и художественное слово. Посвящения русскому языку, очеловеченному и живому. Посвящения великим мастерам, чьё творчество стало всенародным достоянием. Посвящения альма матер, оказавшейся для автора не просто местом учёбы и работы, но и одним из смыслов жизни. Стихотворения, отражающие жизненное кредо автора. Отдельные, не опубликованные ранее произведения жанра *стихофраза*, тексты которых раскрывают формальные и содержательные особенности фразеологических заглавий, демонстрируют уникальные ресурсы русской фразеологии.

Эта книга – интерактивна. Она представляет собой не просто сборник стихотворений, но и работы автора в области видеопозии, которые Вы можете увидеть по QR-кодам.

Книга издана к 100-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора, Заслуженного деятеля науки РСФСР Ростислава Николаевича Попова.

Книга подготовлена к печати
креативным содружеством «Dialitum»
vk.com/dialit_orel

УДК 82-1
ББК 84 (2р)

© Попова А.Р., 2025

Язык мой, брат мой

Словарь...

Замолаживать «О погоде. Пасмурнеть, заволакиваться тучками, клониться к ненастью». С этого слова начался сбор материалов для «Толкового словаря...» В.И. Даля

Спой мне тихую песню лучинную.
Спой же, время, твой шелест мне люб...
Одиноко смотреть научи меня
в вековую нездешнюю глубь.

Выйти в снежную быль невозможную.
Постоять у резного крыльца...
да под сводом – небесной обложкою –
подивиться, ловя слова:

вон топорщится лес не приглаженный,
вон кривятся дороги-ужи...
Тишина... Как начнёт замолаживать...
и попробуй иначе скажи...

По долам и по весям, по весточкам,
да по вёснам, по каплям росы...
Память слова, колючая веточка,
от корней прорастёт на Руси.

А в избе-то скатёрки нарядные...
Возле стенки, в узорном ларе,
драгоценные звёзды упрятаны.
Кто-то их подобрал на дворе

и глазами, по-юному зоркими,
увидал на бессмертном посту,

как сгоняет стада поговорками
ясный месяц – небесный пастух...

Вот и славно. У дома светло теперь,
расстелились снега далеко.
Пусть лакает приبلудная оттепель
очарованных слов молоко...

Всех бы их – понадёжней покласть ещё.
Да сберечь от грядущих расплат.
Приютить под застреху, как ласточек,
чтобы пели родимые в лад...

Про дорогу, заросшую донником,
про усталый крылечный навес,
как плескает о стенки подойника
Млечный Путь позабытых словес,

как старается печка, сердешная,
как рушничный не старится мост:
красный крестик – покой ли, надежда ли...
чёрный крестик – недалёкий погост,

как земля наливается, влажная,
как томятся пригорки-коржи...

Как на сердце начнёт замолаживать –
и попробуй иначе скажи...

Слово (Дерево)

Обнять – не охватить – шершавый ствол,
к твоим стопам несмело подступая.
Про наше непонятное родство
черкать в косых линейках листопада...

Так, для себя... Не заумь для элит,
не хайповую муть с подвывом гордым.
Настой твоих печалей исцелит
вульгарщиной пораненное горло.

Укрой меня: ты плотно и плат.
И плоть земли, и отчий голос вещей.
Так деревянный старенький оклад –
объединяет божье с человеческим...

Ой не для всех. Беспамятна и зла,
бредёт к тебе орущая орава...
пилить тебя? – но где же та пила,
травить тебя? – но где же та отрава...

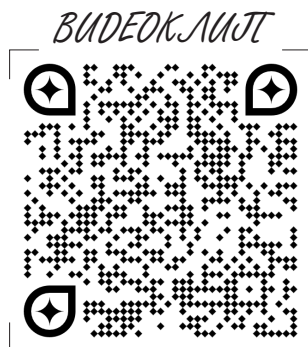
А кто на вечность скалится: «старьё!» –
тлёт-однодневкой помирает в бунте.
Ты – свет и ученичество моё:
«Глагол», «Добро», и «Есть», и дальше будет...

Я каждый раз – как с чистого листа...
Течение силы сквозь кору согреет...
Я без тебя – пустышка, пустота,
с тобой же – малый лист на этом древе.

А ты – под ливнем дышащий простор.
И сколь ни постигай – он будет шире.
Мне б от корней – погостов и крестов –
лететь, как божья птаха, до вершины

и озирать родимые места –
хоть небоскрёбы, хоть глухие хаты.
Но там... вершины нет, там высота...
В которую мы вырастем когда-то,

когда коснёмся, хоть едва-едва,
хоть после жизни, памятно и кровно.
И будем мы весёлой, мощной кроной.
И будем мы крылаты, как слова...

Непойманные (слова)

Не ловятся. Не поддаются. Плохо.
И не подходят! – сколько ни мани... В сачок дыря-
вый, в руку-неумёху – ну хоть кричи, не ловятся они!
Потрёшь висок, отбросишь сигарету... Махнёшь ру-
кой: не задался улов! Ты нарядил беспомощное лето в
«цветы и небо, зелень и тепло»...

Не ловятся!.. На дачной крыше греясь, воркуют и
готовятся на взлёт. Баюкают июневую прелесть – да
так, что сердцу плачется вздох. Неумолимы, буд-
то личный вызов, упрямы, как последняя любовь.
Из окон светят, шелестят с карнизов и звякают капе-
лью с желобов.

Кокетничают, на ладонь спускаясь, порхают прочь,
не погостив почти... Зовут: на раз-два-три иди искать
нас! – бороться, и искать, и не найти... Они меняют
лики и одёжки. Им весело смеяться и мерцать. Они
уже – вертлявые рыбёшки: не ловятся ни в сеть, ни
на живца... Проростками выглядывают с грядки. Дож-
дями окунаются в ручьи. Не ловятся! – они играют
в прятки... Жестокие, живые... Не твои.

Сачок дырявый, не видать улова...

Но если... блик на речку и правей... пожалуйста – вот
здесь не это слово, а гул шмеля запутался в траве...
И больше ничего тебе не нужно: вот лишь бы слёзно
так и горячо. На пыльной трассе – капельки-веснушки.
И в тучах – прохудившийся сачок...

Зарождение

(не обязательно о фразеологизмах)

*Благодарю за идею этого стихотворения
Елену Елисееву*

Если небо – то синее. Если солнце – жёлтое.
Если красота нужна – собери подвеску:
бусину-стекляшку,
 пуговку,
 шапку жёлудя,
ягодку-рябинку –
скорей нанижи на леску...

И смотрю я,
семилетняя или взрослая,
как оно заиграло, определилось.
Обретает смысл
подножный мусор разрозненный...
И отдельность
превращается в неделимость.

Я оставляю это в стареньком школьном ранце,
в дачной пригородной электричке:
как оттенки смыслов
строятся,
собираются –
будто прутики в веник в той самой притче...

Как сплетаются душами,
гранями,
узами –
по отдельности горькие и усталые.
Я ещё пройду по физике про диффузию,
про касание
и вращение...

И влюблюсь ещё,
и всерьёз поверю я
в аксиому,
желудями и ягодками навеянную.
Что язык и жизнь –
едина плоть и материя.
И един закон
любви и проникновения.

А пока...
клубничные грядки топорщат усики,
на дорогу нанизаны солнечные перелески.

Все мы собираемся,
словно бусинки, –
на единой леске...

Первослово

Сквозь потоки бреда ясней и резче
откровенье сына меня спасёт...

Маленькое «ма» – как преддверье речи. Это первослово, в котором всё: «я тебя люблю», «покачай на ручках», «я уже голодный», «иди ко мне», «не хочу в кровать», «принеси игрушку», «во какая бабочка на стене»!

Слово-скорлупа прорывает плёнку. В треснувший проём нанесло песка. Ты, подобно крохотному цыплёнку, на нетвёрдых ножках идёшь искать. Солнцем поцелован, дождём искупан, глупостью ребячьей ещё храним. Но макушкой чуешь небесный купол, прозревая: что-то же есть за ним...

Будут и бессмысленные квакушки, и засилье рёва дурных ослов. Загремят облезлые побрякушки, приплывёт усталость – вообще без слов, лупоглазой рыбиной, ну да бог с ней. В пасть её беззубую не ловись. Семя, первослово, растёт, не бойся, под землёю – вширь, и до неба – ввысь...

Кто ты? одинокий, родной, звучащий, соль земли – надкусанного ломтя. Всемогущий дух в заповедной чаще – или в ней же брошенное дитя... Будто на качелях до звёзд раскачан, что-то первозданное разглядел.

Сам себе рассказ, сам себе рассказчик.

Ненароком вышедший за предел...

Лаборатория...

Не где-нибудь там, на далёких полях истории,
а здесь, каждодневно, по плану сводя с ума...
Работала цифровая лаборатория,
по сути –
не то больница, не то тюрьма.

В счастливом пространстве,
на виртуальной плахе
лежали обрубки, экран собой обагрив...
Все эти «пж!», «всм?», и «чз», и «плаки»,
помноженные на «пон», «спс» и «прив».

Светились эмодиконы, даря иллюзии,
и множилась матрица тупо и наугад.
А этих, доверчивых, –
юзали, юзали, юзали.
Безвкусное месиво, жёваный суррогат.

Да можно ли в них,
калеках моих обкорнанных,
узреть первозданное небо, и мощь, и лес,
где ветер неистовым звоном летит над кронами,
и волны бросаются скалам наперерез,

и клочья химер
разлетаются, уничтожены,
и чайки ликуают,
и нет никакой тюрьмы!
И тех, что в обрубках себя не узнали, –
тоже нет...
А вольные, нежные –
к миру выходим «Мы».

Зеркальные горы,
лиственные громадины,
и малого семени чуткий подземный сон,
набухшие гроздьями сладкие виноградины,
спасенье,
небесная пена,
земная соль...

С кошачьей ухмылкой,
розовенький, размноженный,
смотрите, какой замечательный вышел труп! –
Любви, что «ещё, быть может...».

Уймись, не может быть.

Культями с экрана светится
«я тя люп»

Прозвища

... Изба горела от сеней до горницы. Богатство –
прахом, верно говорю... А он твердил: «Да ничего,
отстроимся» – упрямый прадед Коля Негорюй. Разо-
рена деревня, разбазарена, а поднимать хозяйство не
с руки. Но... дед Колун колол дрова у барина, и с юга
добирались Крымаки.

Простёрта длань, изранена, источена. Кровавая
рябиновая кисть. Не забывай их: Партизанка Тонечка,
Иван Зенитчик да Семён Танкист... Как дед Камрад из
плена, из неметчины, привёз словец не наших вороха.
И как Степан Култышка изувеченный всё на протезе,
значит, «култыхал». В большой семье, и глад и мор
врачующей, где на счету – до крошки – чёрный хлеб...
жил Василёк по прозвищу Почуточка – поскрёбышек
послевоенных лет.

Слова, слова... Нечаянно посеешь их – а что пожнёшь, неведомо ещё. Второе это имечко – как семечко, уж корня нет, а глянь, пророс дичок. Цветихин палисад курился астрами, да разорён, да продан за должок. А Сапожок носил сапожки красные, пять лет как на погосте Сапожок...

Не доверяй беспамятству поганому. Вон сёла наши, памяти верны, наполнились Афганцами, Афганцами – ребятами, дошедшими с войны. А на изломе века колья острые. Палёной водки – на помин – глоток... Отпетые вы наши девяностые: Барыга, Мент, и Нарик, и Браток... Забавные, беззлые и точные, бодливые словечки-бугаи, чудные, эпатажные, тикточные, киношные, мультяшные... свои.

Подсказанные то былыми счётами, то новой накатившейся войной. Прирос покрепче имени крещёного – Алёша Волк – упрямый позывной... Не из научных книг силком исторгнуты, не мёртвые сухие мотыльки. А плоть и кровь моей Большой истории, зерно и крест. Слова и земляки. Язык, и мир, и дух, едина троица. Не дом, а век в метели огневой... Ну ничего. Ты не горюй, отстроимся...

И горевать, и строить не впервой.

Переводчик...

Лето забирается жаром в очи,
сумрак, будто уж, ускользает в лес,
и тогда включается переводчик
с клеверных лугов на язык словес,

с позаросших буйной травой обочин,
с ветра, заплутавшего во хмелю,
на родное «я о тебе забочусь»,
на простое «очень тебя люблю»...

С чистых листьев – на сквозняки метаний,
придорожный сон росяных репёв.
С вещего ключа – на язык метафор,
где ивняк рождённое слово пьёт...

С рушника травы – на подарок Божий.
Со щедрот полей – на совет скупой,
с высохшей земли – трудовой рогожи –
на «иди и пестуй, лечи и пой»...

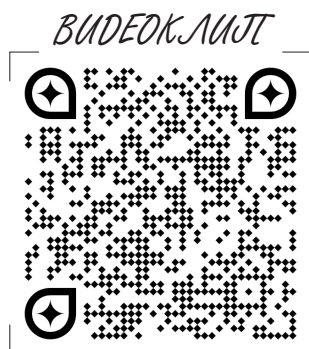
Будто я по Лету тому – паломник,
будто мне начертано на роду:
через боль неверья – чертополоха –
я себя на русский переведу...

Мой букварь растрёпан на многоточья,
что-то недосказанное кровит,
и слезой туманится речка, строчка,
облака ложатся на алфавит.

Небосвод навис, изогнулся луком
и вот-вот уронит стрелу свою.
И тогда я горько прольюсь над лугом.
Сердце пересохшее напою...

Напою о том, как печаль омоет
медоносный клевер... И сны мягки...
И лихие стрелки весёлых молний
Лето переводит на полстроки...

С тишины рябиновых деревенек,
с ветра, что промчался по ковылю...
на счастливый дар, на язык мгновений.
На простое «очень тебя люблю»...

Язык мой, брат мой

Язык мой, брат мой. Кричишь взахлёб ещё... Тебя, братишку, не сбить с пути. Бандана, куртка в шипах заклёпочных. Бунтарский сленг, подростковый стиль. Когда ты больно себя коверкаешь, ханжи, заткнитесь... оно не грязь. Ты тоже ищешь и тоже веруешь. Кусаясь, буйствуя и борясь.

Язык мой, сюр мой. Две кружки светлого, мой первый парень, глуши невроз. Язык мой, сор мой, из сора этого – бурьян репейный. И пафос роз. Любовью первой, не выгорающей, звучит твой огненный вокализ. Ранимый юноша, точно ранивший. Наивный, страшный максималист.

Язык мой, брег мой. Твоё всевластие – как чувство дома. Ты мне простёр и путь, и руку, и зрелость классики: осталась сила, но кончен стёб. Не сгину в шуме разноголосиц. Я всё же выберусь по прямой. Священный воин, Победоносец... Супруг мой ласковый, сокол мой...

Язык мой, свет мой. Ты разрастаешься от малых трав до победных крон. Проходит зрелость... А нету старости – забвенья, немощи, похорон! Язык мой, боль моя многолюдная. Не сноб для избранных – ты с толпой. Я неуклюже, всерьёз люблю тебя. И я учусь говорить с тобой.

Касание строк

Время копий...

Время копий.

Ремейков, сиквелов, перепевок. Пустотой до конца наполненной пустоты. И кривляк-эмоджи, и клиповых однодневок: мы как все – задираем ноги и палим рты.

Время копий, таких беспомощных и «пиратских»... Время терпит, но дух терпимости – подлый дух. Время оттисков. Время юзать и копирайтить. Гнать по таксе быдлу очередной «продукт». Время клоунства – или клонства, гляди, как просто: не найти концов, но можно найти безнал. Это замкнутый круг, петля и репост репоста. Время копий, почти забывших оригинал.

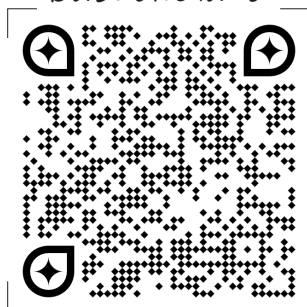
*

Время копий,

разящих копий, любви и жертвы. Время жить – неугасимо и наизнос. Время быть со мной, с тобой на полях сражений. Время петь, как вещие Сирин и Алконост. Пусть иуды бросают камни, вбивают колья, и глумливой рожей отсвечивает порок. Им же страшно...

Приходит гордое время копий,
время змеев под копытами,
время прямых дорог...

БУДЕОКЛИМТ

ПУШКИНСКАЯ ДИЛОГИЯ

1. Море (Александр)

*Прощай же, море! Не забуду
Твоей торжественной красоты...*

А.С. Пушкин

Море моё, широкое моё море...
Научи греметь и биться, выдерживать плети молний,
отражать всеобъемлющей теплотой.
Научи. Со скидкой на слово твоё прямое,
на далёкий твой XIX-й и Золотой,

на раздольный блеск, и свежесть, и гул суровый,
и на то, что нынче правда не вознесёт.

...Наивность рифмы, правильные строфы.
Да, мы умеем лучше. Но не всё.

Так сложно наше Эго или Нечто – что не видать ни
выси, ни громад... Технически, роскошно, безупречно
рифмуем книжный стиль, солёный мат, больной реал,
погрязший в дешевизне людских ресурсов в чёрной
мастерской... И выдаём сие за «правду жизни» – убогой
жизни. Мелкой. Не морской...

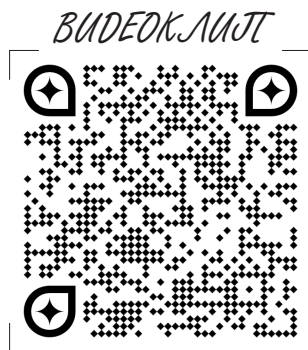
Штампует откровенья беспокойно: «люблю, найду,
приду, приди, возьми», «дым сигареты, кофе, подокон-
ник» – всё милое (от слова «мимими...»).

Мы серой мглы распахнутые шлюзы, певцы намёков,
дымовых завес, апологеты гибельных аллюзий, упадоч-
ных, припадочных словес...

Мы так оригинальны, что безлики, все виды галь-
ки – перед янтарём... Мы разберёмся в иле, пене, блике,
дотошно их, детально разберём... В изящном, нервном,
суетном миноре опять жуём словесную нугу...

У нас вода и соль – ещё не море.
Мы заживо гниём на берегу...

Мы тычемся отчаянно и слепо –
где вдохновенье? слёзы?! божество?!
И нет у нас ни подвига, ни Света...
Ни Золотого Моря твоего...

2. Диалог с ним

– Он молод был. Он был – волен.
Ладья, не льнущая к берегам.
Не «классик» мёртвый. Живой воин.
Ниспровергатель и хулиган.
А вы в упор на него глазели.
Загнать в формат, целовать тень...
Набальзамирован и музееен.
Бог сочинений. Кумир статей.

– А ну-ка вон. Глаза раскройте! Всё переврут. Употребят. Как будто я, тот «классик», против! – искрящих молодых ребят! Долой «красивую красоту». Долой «классическую классичность». Там рваный рэп, тут юный клич... Мне лжёт лиричная плаксивость, претит возвышенная дичь.

Отставьте сахарную воду, унылую «любовь-природу» – и розы-слёзы при луне! Не в этом суть, и жизнь, и сила. Да, «наше всё». Поклон. Спасибо. Но «всё» не кончилось на мне!

– Он разогнал бы весь этот пафос.
И с монумента сошёл в бой.
Он лёгок. Ветер, стрела, парус.
Но припечатал бы их стопой –
и благородных интеллигентов,
и неразумных девчат-студенток –
за тьму незнания, пробел, брешь...
За эти штампы, восторги-стоны.
Вот этим ямбом четырёхстопным,

– ... похожим на живую речь. Я показал другое Слово.
Бери, твори, пролейся, хлынь! Не отрекаясь от бывшего.
И не зависнув над былым. В него не влипнув мелкой
мошкой – в янтарь, в засилье гордых дум.

Вот я пришёл. И стало можно – про лёд и ребятью
на льду, про мужиков, царей и нечисть, поэтов, дев и
торгашей, про лес, про ягоды, про вечность... Касанье
ем строк, душой к душе...

Ему достанется – побыть небом.
Могучим морем. Громовым ветром.
Атлантом древним. Молодой верой.
И оголённым, живым нервом.
И необъятной землёй. Громадой.
И рассказать, что идти – надо,
освободиться от древних пут.
Ломать канон, прорубать чашу. И будет ярко. На-
взрыд. Летяще... И только лёгким не будет
Путь.

Отклики на «Стихотворения в прозе»

И.С. Тургенева

Брат, послушай...

Над горами бледно-зелёное, светлое, немое небо. ... Две громады, два великана вздымаются по обеим сторонам небосклона...

– ...всё еще копошатся козявки, знаешь, те двуножки, что ещё ни разу не могли осквернить ни тебя, ни меня.

– Люди?

– Да; люди. ...

И.С. Тургенев. Разговор

– Брат, послушай... как там внизу, не легче?
Или так же дымно, кроваво, голодно?..

Заметает снег сутулые наши плечи,
глядит сон скалистые наши головы.

Неужели мы, извечные, мы – не вечны,
мудрые, забывшие буйную гордость юных?!

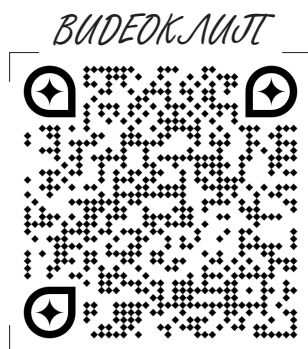
Те «двуножки», как там их, человечки,
что-то копошатся, молятся и воют,
плачут, погибают, любят, рожают, воют,
смотрят в небо, страдалицу-землю пашут...
Брат, смотри, под нами корчится поле боя,
поле юных, поле павших-пропавших...

Брат, ну почему мы тогда молчали, поводя заснеженными плечами? Мы бы эти войны смели лавиной, рыком ураганным, утробным, львиным, и призвали ветер бы вещим кличем... Что ж мы упивались своим величием... Мы бы время засух, как одеялом, грозами накрыли и ветви яблонь, мёртвые и жёлтые, оживили... Брат, не говори, что отсель не видно...

Как мы усмехались: никто не лезет! Как мы упивались покоем жадно... Бедный мир. На кромке все-ленских лезвий. Поднебесью тошно, а небу – жарко. Мутный лёд кроваво течёт с откосов. Воздух плотный, дымный, густой, белёсый – наши недра стачивает по-немножку...

сыплет небо гарью, проклятой манной, сходит лава, сходят с ума «двуножки» – всё за нас, великих, давно решили...

Брат... презрение к низменным, мелким, малым... заставляет их презирать вершины...

Любовь и Голод

...Я говорю: ангелы... гении – потому что у обоих на обнажённых телах не было никакой одежды и за плечами у каждого вздымались сильные длинные крылья...

И слышался мне голос... Вот что произнёс он: «Перед тобой Любовь и Голод – два родных брата, две коренных основы всего живущего».

И.С. Тургенев. Два брата

Познакомьтесь, это Любовь. Или только кажется?
Поцелуй на вкус – недогретая манная каша,
Люба в меру красивая, в меру добрая,
альтруистка, проблемами замордованная,

что-то чертит в блокноте и сразу же ищет ластик.
У неё два сына – в шестом и четвёртом классе,
Люба умница, только забитая и поникшая,
столько счастья в себе когда-то похоронившая...
И оно, это счастье, боится её, скрывается,
иногда взрывается, прорывается,
и бессильно валится:
кто же я, и когда же я,
и кому не помогшая, не воздавшая?!
Это сила и слабость, себя, любимую, обуздавшие...

Это – Голод. Мужчина. Он вечно лается.
Необузданной силой, необузданной слабостью.
Весь в своей игрушечной амуниции,
тешит незадавленные амбиции –
ухватить, урвать, куда-то к тузам пробиться.
Хочет новую женщину, дорогую игрушку, –
он не измождён: новый свитер, пивное брюшко,
только взгляд – голодной и хищной птицы.
Взять с налёту. Цапнуть и утвердиться.
Иногда ему радостно, колко и боязно –
прибежать к любимой в меру любовнице
от усталой жены, а хочется, чтоб навеки,
оторваться, как лист с надоевшей ветки,
он устал от этих маленьких перебежек.
Голод и агрессия бьют. По самим себе же.
Он ведь тоже из детства, цветов и чернил...
Он ведь тоже в себе кого-то похоронил...

Никакие они не «ангелы» и не «гении» –
а земные, куцые, урезанные воплощения,
абсолютное большинство, спецодежда со склада,
движут мир – заброшенный эскалатор,
как мотор и ноги, спешащие на работу,
не живые лица – а «фейки» и «боты»,

но откуда, о боже, – тонкий запах сирени,
и борьба смирения-несмирения,
и Шопен, и нелепые шоу по телеку...
Нет, не гении – и даже пробовать не хотели бы,
это их беда и чуть-чуть вина.
Это сила сама себя ухватила за горло,
двуединая сила, Любовь и Голод...
Двуединая сила. Он и Она.

Книжное

Я заданье. Я гвоздь Программы. Это, милая, неспроста...

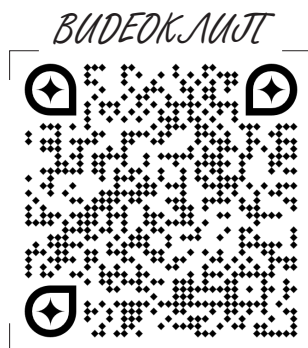
Что тебе роковые драмы? – сочиненье на три листа... пункты плана и композиция, аргументы, обзор, цитация, поскорее бы отцепиться бы, поскорее бы отвязаться бы. Ты наклонно мельчишь в тетрадке, там списала – и хорошо, оставляешь на мне царапки твёрдым острым карандашом. Гнёшь до трещин на переплёте, разгоняя унылый транс. Непонятные дядитёти препарируются на раз. Эти взрослые экспонаты всё решили наоборот, но, наверное, так и надо, впрочем... критик их разберёт!..

Ты студентка. Твой препод злится. Курсовая. По мне. Ну да. Кроешь матом: все эти лица – дураки и максималисты, скандалисты и фаталисты. Рвутся, мнутся листы, как листья, – хватать об стенку – в мои года! Всё, финита, хочешь колко и быстрее звонишь дружку. Задвигаешь меня на полку – с силой лупишь по корешку...

Через годы случится, знаешь... вдруг потянешь за корешок, что-то «лёгонькое и на ночь» – но внезапные боль и шок, сквозь румяна проступит краска, дрожь прокатится по спине... Вот теперь, дорогая,

здравствуй, вот такие мы наравне. Через ненависть, через скуку, мамы нет, и ушли друзья... Сухо сводит рыданием скулы. Не порежься же о края... Как похожи, несчастны, все мы, совпадаемы до строки. Чёрный голос, немой, офсетный, истекает в твои зрачки. Как морщина, легла ресничка. Бровь, изогнутая в дугу.

Я люблю тебя стостранично, всегеройно и как могу...

Выгорание

Я безупречно благородный бархат. На мне не тлеет забвения налёт. Не рубище – нарядная рубаха! И золотом тиснённый переплёт. Я фолиант, запросами завален: ответь, скажи, пойми, утешь, позволь!.. Со многообещающим названием – о том, что я основа, суть и соль.

Но я не оправдаю обещаний. Когда-то, вдохновляя и круша, сочились светом розданного счастья источник-текст и буква-душа. Не книга – птица-страница-страница! Чей дивный путь другими отражён... Я – рукопись, мой дар – воспламениться. И я воспламенялась – афтар жжот!

Зато потом стоит, обескуражен, опустошён и выпотрошен в ноль. О, горе, жар и грай, и-грай, сгорай

же, сгреби золу и загорайся вновь... Но как?! Седой и хрупкой, поределой – ушедшей в пепел, ночь и облака, зажечься снова – будто нет пределов, и вечен дар, и юность – на века...

Угли протёрлись, обратились в угли, заметками не прорастут поля. Округлая, как рот кричащий, буква – накинута, мёртвая петля. Я распахнусь без юного размаха, соврну: ещё могу, ещё полна! Но под обложкой... жжёная бумага передаёт былые письменна. По памяти... которая потухла, которой нет, а есть одна зола... Я всю себя – до смысла, буквы, духа, до знака – пережгла, пережила.

Отдайте директиву: пусть остынет от глаз горящих, от себя-трухи... Не выдавать её! Листы пустые – не выдавать! Списать её в архив! Прижавшись к полке, будто к маме – крошка, познав древесный сон и тишину... я снова стану текстом – не обложкой! не ярлыком!
и просто отдохну...

Они говорят мне

Рокот дальнего говора
отражает река.
Стяги славные, гордые.
Медных труб пережат,
да под лунной жемчужиной вороньё ли, орлы.
Да над степью разбуженной свист калёной стрелы...
Видишь, время сразиться нам.
Чуешь пламя и звон.
Долети же зегзицею – до последних времён...

Так ложились года мои – и столетья внахлест.
Языка богоданного – бездна, полная звёзд,

и святая, и горькая усмирённая рать.
Всеобъемлюще, коротко говорить и сгорать.
Выбиваясь из сил, нести этот крест непростой.

Уходить от красотостей в первозданный простор.
И в венок разлохмаченный, чтобы стал он силён,
заплетать мать-и-мачеху, колосок, василёк...
И чеканно, отчётливо мерить ветки дорог,
а потом – перечёркивать громом ломаных строк.
Знать – упрямо, не гимново крестный путь завершив,
что в конце не погибель, но покаянье души.

Ой вы ясные соколы. Да холмы-ковыли.
Сколько пало до срока их, а могли бы, могли.
Но остался неистовый их зачин на века:
без героики – выстоять, а иначе никак.

... Если страхи, как демоны, кормят хищный огонь,
не пиши новодельную безразборную хтонь,
ты преемница кровная через толщу времён!
Не кликуша безродная – имя им легион.
Если мутные волны их обступают гурьбой,
мы встаём, словно воины – за тебя, за тобой.

Вот тебе, неизменчивой, и завет, и налог:
хоть кого-то излечивать, будто руку на лоб...
Ты не самая-самая, просто будь у виска
невесомым касанием молодого листа.

Конкурсное

Да нужны ли – хмельные и пенные – наши кубки, и битвы страстей... Чтоб на третьи, вторые и первые поделиться, служа красоте... Не ревнуем же к доль-ному, высшему: хлебным зёрнам, небесным холстам, сочным ягодам, вовремя вызревшим на склонённой макушке куста... Если небо в жар-птицу окрасится облаками распахнутых крыл, то какая, по сути-то, разница: кто суровую клетку открыл...

За собой околдованный зал вести и вторгаться в сердца и уста! Скрежетать от бессмысленной зависти, если сцена другим занята!.. Тут не сцена... Тут небо раздольное. Роскошь роз не гнобит лебеду. Не один ты – помощник садовника в зацветающем божьем саду.

И пока светоносная цель жива – выметай похвалы, словно сор. Пей! – другими любовно нацеженный горьковатый берёзовый сок.

Плодоносное поле распахано – зри, пока ты отчаян и зряч: как ребёнок – глазищи распахнуты – ну и кукла!.. и книжка!.. и мяч... Вот и ладно. Ты встань под зарёй Его – под надёжной ладонью большой – одиноким мальчишкой зарёванным: потерял ли? иное нашёл? Никому не сдалась она, желчь твоя, пред рябиновым жаром кистей, перед ниткой осеннего жемчуга – паутиной на старом кусте...

Будут ягоды – горсти и горести, настоятся стихи на меду. Попроси только Сло́ва у Господа... и остаться бы в этом саду...

Стихофразы

(стихотворения, написанные на основе
фразеологизмов)

К Счастью...*

Сколько красивых и добрых названий русских деревень: Утешение, Любовь, Надежда, Радость, Светлая, Ясная... и Счастье тоже есть. Все совпадения, если такие будут, с конкретными деревеньками совершенно случайны)

Кто-то истово счастье ищет,
кто-то думает о плохом...
Шуганул нас лихой дождище –
медным тазом накрыл поход)

Туфли грязные по фарватер.
В куртки мокрые тошно влезть.
Перекошенный указатель.
«Счастье» – ладно, какое есть...

В листьях солнечные заплатки –
обтрепался, но жив приют!
Тут из луж облака-хохлатки
просветлевшее небо пьют.

Спит хранительница-корова.
Грядки, хатки, герань в окне.
Только фермерские хоромы –
будто брезгают. В стороне.

И зовёт на картохи с булкой,
на окрошку и на салат

* К счастью. О счастливой случайности, неожиданно благоприятном обстоятельстве. В значении вводного слова.

полувывсохшая бабулька:
угощайтесь, чем бог послал...

Волосёнки – небесной пряжей.
И глаза – как сошли с икон.
Чёткий [г] у неё приглажен
южным ласковым говорком...

А на холмике, над погостом –
бесприютная «каланча».
Покорёжен судьбиной остов
церкви красного кирпича.

Спит усталый, безвестный воин.
Вьётся, ластится сон-трава.
Так бывает: погост – живой он,
ну а церковь стоит мертва...

Всё равно не страшится чёрта
и не знает концов-краёв...
Счастье, милое, как ты... чьё ты?
Призадумалось: вдруг моё?

Может, шли до тебя, внимая,
принимая твой дар сполна,
новосёлы Иван да Марья
в стародавние времена?

Может, где-то сидит занозой:
где полей наливных холсты?
В годы тружеников-колхозов
крепкой бабой глядело ты...

Правда, нынче цена копейка,
только дело-то не в цене.

Светло-рыженькая котейка
спину выгнула на бревне.

Счастье, доля и часть, под сводом –
прополосканным, голубым.
Из чудесного чуда родом,
проглянувшего из глубин.

Счастье дремлет, почти безлюдно,
вяжет солнечную тесьму.
Видно, жить в этом Счастье трудно.
Трудно даже дойти к нему...

Вторая половина*

... Не о том, как рождался нелепый сказ: дескать,
двум единым нельзя встречаться, и ревнивые боги
разбили нас, как посудыны целые – на две части...

Я, как пёс, похоронную жуть лакал: взрослый муж,
бестолковый слепой щенёнок. Стыл в руке не холё-
ный эстет бокал, а простой, поминальный стакан
гранёный.

А она неизменно пускалась в путь, всё равно – по
равнинам ли, по лавинам, чтоб из чаши той за меня
хлебнуть – непривычную, первую половину. Разломаю
краюху. Дрожит рука. Грубоватый помол. Нам тепло
и горько. Сердцевина пориста и мягка. Запеклась и
никак не мягчает корка.

Недокрашен холст – в пыль и прах сметён, нет
прощенья руке моей огрубелой. У тебя молодая душа
цветёт, заполняя трещины и пробелы, завелось озор-
ное зверьё в лесу, луг наполнился ликами полевыми...
Дорисуй, хорошая, дорисуй... на моей обескровленной
половине...

* Вторая половина. Один из супругов, любимый, очень близкий человек.

Это с детства: прощания у двери и обиды, отчаянные и большие. И знакомое: на, дурачок, бери! – половину красок, стихшков, машинок, догонялок, ошибок, фонтанных струй, светлячков, фломастеров, первых листьев!.. Я сержусь, а потом всё равно беру – чтобы ты продолжала со мной делиться...

Докрутился счётчик до несть числа, всё неизмеримо и поправимо. Жизнь ещё под горочку не стекла – черновая, первая половина. Лампа делит комнату поперёк на «теперь» и «было», «смогу» и «надо». Мы сидим... гитара, стихи, пирог...

и вот это всё умножаем на два...

Авторские знаки*

... Летят обочины заросшие,
мелькают знаки вдольдорожные,
скупых картинок чехарда...
Пусть даже новый стих не выгорит –
но трасса, вроде, в ближний пригород,
а всё ж неведомо куда...

Под дождевым дырявым парусом –
встаёт: пробелом, вдохом, паузой
среди цветущих ворохов:
вон рыночек с грибами-тётками,
тире – полоски полустёртые
и пешеходный переход...

Авто спешит по ранней осени.
И восклицательные сосенки –
как вехи, вещие столпы.

* *Авторские знаки.* Знаки препинания, намеренные отступления от пунктуационных норм в литературном тексте, выполняющие определённые художественные задачи.

Последние пушинки-бантики.
И горе запятой горбатенькой –
кривули-ивы у тропы.

Стихи – случайными заскоками.
Их вынесли – они за скобками,
подобны хламу, бараклу...
Но как чудесны эти мороки –
черкания дождя по мокрому
автомобильному стеклу...

Чудесны многоточья-зонтики
и вопросительно изогнутый
фонарь, сутулый и хромой.
А впереди слова рождаются...
И даже смайлик пригождается –
дуга рельефа меж холмов.

Порой мелькнут домишки древние –
расставлены, как ударения, –
держат удар назло судьбе.
Она-то знаками богатая,
не то что карта навигатора
от точки А до точки Б...

Туда, где сказочно и ветрено,
где ничего ещё неведомо –
вдали не различает зрак
трагическое и весёлое...

А что поэт? Авто везёт его...
И путь-дорога – тоже знак...

Стоячая вода...*

Вода, водица, гнилая, затхлая,
и солнца тусклая позолота.
Не красна девка и не русалка я,
и не баллада тут, а болото.
И даже ива моя плакучая –
своё отплакала над осоками.
Лишь брызги клюквы – надрывно, кучно
тревожат дрёму мою высокую...

«Неужто где-то под ветром рьяным,
где водь земная берёт начало,
бушуют вольные окияны
и море льнёт к берегам песчаным...»

Заходит Леший. Он пахнет лугом.
В корзине – солнечная морошка.
– Ох, добираться к тебе, голуба,
докандыляешь пока – помрёшь тут...

Я разливаю чаёк на травах,
гоню кручину, треплюсь на совесть...
И на себя не найду управы:
«Пусть испарит меня злое солнце,
и полечу я по-над бурьяном,
по-над земным непонятым обликом,
прольюсь над морюшком-окияном –
хоть налюбуюсь прощальным облаком...»

Роняю клюквинку в чашку чая.
Слезинку горькую – ох, не дело...
А он, конечно же, замечает.
Бормочет:
– Ладно, прорвёмся, девка!

* *Стоячая вода.* Непроточная, неподвижная вода в водоёме.

Да не реви ты, всё перемелется.
Я что, не чую, я что, дурной?!
Всё устаканится, переменится.
А ну вставай-ка, пошли со мной.

Я всё же всхлипываю запоем...
Мне бестолково и горячо.
И мы выходим на кромку поля.
Там трактор – брошенный старичок.
– Бесхозный, что ли, прям на дороге...
– Да ладно, девка, утри глаза,
Опять напьются Иван с Серёгой,
ишшо надолго, давай влезай!

И я – ох, Леший меня попутал! –
влезаю, охая и кряхтя.
А он сказал:
– погоди минуту, поедем попросту, без путя...
И усмехнулся «а ну по коням!» –
и где подслушал-то, старый пень!
И мы не знаем, когда погоня,
куда мы едем – и что теперь...

Но Леший мой хохотнул скрипуче,
наддал, тревоги легко глуша.
Ой, тоже мне, кавалер дремучий,
и я-то, глупая, хороша!
Да пусть не к морюшку-окияну,
но едем, едем же, ты гляди!
И ветер сладостью окаянной,
злодей, всю душу разбередил...
И Леший парнем глядит молоденьким,
и намекает мне на союз...

И я, разваленная колодина...
я вижу речку... и я смеюсь...

Нить жизни*

Ничто не уходит, нечего хоронить!
И я понимаю, отчаянно повзрослев:
от тех, кто ушёл, – до нас протянулась нить.
Шершавая нить, кручёная, чёткий след.
Никто не покинул: по-прежнему здесь и свой.
Не бросил кутёнком в отныне пустом мирке.

...Та нить обмотала запястье. И мне, живой,
тепло оттого, что кончик её – в руке.

Ожившая вереница, строка, глава.
Размашистый почерк – неровный, узорный шов.
...А там, далеко-далеко, шелестит листва.
И маленькой мне удивительно хорошо:
мы за руку, вместе обходим заросший двор,
тропа широка, а трава по краям чудна,
и нитка луча из-за тополя чуть видна...
И взрослая я – до ужаса, до сих пор
запястьем и сердцем чувствую – вот она...

Невидимой нитью сшиты страницы книг,
подшивки газет, картины и корабли,
дымок сигареты, низенький дом, цветник...
И строим, по ниточке – тянутся журавли...
Нанизаны, скручены бусины-узелки.
Они не рассыпались, горстью во тьму стучась.
Читатели. И друзья. И ученики.
И все, кто тогда. И все, кто потом, сейчас.

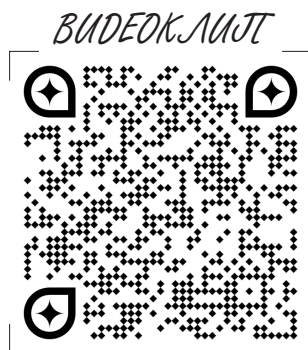
Что было с тобой и дорого – всё на ней:
кто рядом прошёл, и кто был навечно люб.
Как пёстрая галька волшебю цвела на дне.
И нити-лучи над морем стекали вглубь.

* *Нить жизни.* Жизненный путь, судьба человека.

И сладкие дыни в янтарном густом меду.
И жёлтые письма – отныне их сон глубок.

...Теперь я, как та Ариадна, иду-бреду.
И катится предо мной, и бежит клубок.

И тянется нить на тысячи горьких дён.
И шелест её, и свет меня обволок.
Я верю, что мы идём... всё равно идём.
Пока на запястье теплится узелок.

На семи ветрах*

... Не лекарства горчат, а в горло сочится страх.
Хоть и не привыкла плакаться и стенать. Мне бы
выстоять – скалой на семи ветрах. Чтоб не рыхлый,
пижамный ком в четырёх стенах.

Ветер... где ты, любимый брат? – Далеко, прости.
Там кедровый дух, и каждый закат знаком. Там волна
осязает берег, и шелестит, лижет гальку пёсым лас-
ковым языком.

Ветер-клевер, свою царевну иди искать! Поле, по-
люшко, речка, цветастые берега. Ох, Полина, былина,

* *На семи ветрах.* Расположенный на пересечении всех дорог (о месте, городе и т.п.); также о человеке, попавшем в трудное положение.

калина да ширь-тоска! Облепи подолом, тихо прильни к ногам...

Ветер, как лихач на трассе, бензинов, скор. Пахнет потом, фастфудом, свистит, подаёт мячи. Сутью, кровью города – или толпой людской по сосудам-улицам к сердцу – от сердца мчит.

Ветер-пыль. Течёт по горячей дороге зыбь. Солнцелинза любой сушняк обращает в дым. Жадно вывалил зверь распухший, больной язык – это август скрипуче просит: во-ды, во-ды...

Ветер – будто скрежет железных жвал. Заблажил, заметался в городе вдоль дорог. Параллельно земле взметнул водяной обвал, наизусть отбарабанил тяжёлый рок.

Ветер – парень из пятого «А»: не пацан – пожар! Опрокинул тучу? портфель? только снег звенит. Напихал мне за шиворот холоду и сбежал, «я люблю тебя» – как умею, уж извини...

Где-то бродят они, все шестеро, не со мной. Но затих у дома – не дует почти – седьмой. Я однажды выйду, а там лучи, словно волокно, и не ветер – дыхание там, на двоих одно. Свет струится струнным, гитарным «ми». В капле целый мир отражается, завершён. Я тяну озябшую варежку – обними! Он, ещё не веря, тянется – обними! Всё прошло родная, тихо, тихо, всё хорошо...

Божья ладонь*

Перед божничкой на минуту встань.
Шагни к столу. Морщинистую длань –
вот это древо верное, живое –
не торопись. Протри его. Огладь.
Как до тебя прабабка, бабка, мать.
Сквозь годы дотянись вьюнком-повоем.

В избе прохладно-солнечной – постой
над тёплой и наскóбленной доской,
она ладони жилистой навроде.
Долонь – так говорят у нас в народе.
На долгий век, на сотню горьких лет,
подай нам, Господи, насущный хлеб –
коричневые пористые скибы.
Из этой длани ели стар и млад.
Твоя семья. Твой деревянный лад.
Ладонь отверста. Трещинки-изгибы,
поджившие мозоли... Молча тронь
родную, божью, древнюю долонь.

Потянется неярко-золотисто
предсумеречный луч в краю былом.
А помнишь, батя с-под бровей кустистых –
глядел на вас, погодков, за столом?
А помнишь?... Помню. Где оно? Далече.
Картохи и распаренная греча,
из пóдпола огурчик с чесночком...

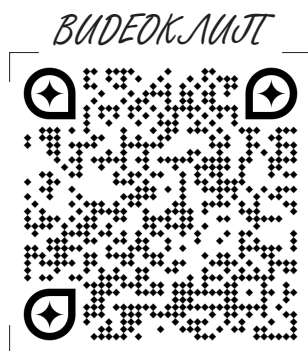
Как будто кто окликнул, в дом зазвал.
На синем блюде – яблочный развал.
Красотка с подрумяненным бочком,

* *Божья ладонь (долонь)* – во многих русских народных говорах: стол.

гляди, синапка дедова дозрела.
Простёрта длань. Молчит приветно древо.
Растрескались, но сглажены края.
Столетняя столешница твоя...

Ногами в землю. В старинный пол и род.
Ладонь-то в здешнем мире, посерёд.
И небеса, того гляди, догонят
потомки этой кряжистой долони:
разлапистые кроны вознесли,
сорочьи гнёзда – не видать с земли,
лишь вьются чёрно-белые рубахи...
А дома, на застрехе – божьи птицы.

Проведала – раз в месяц – отчий дом.
Сорокой покружила над гнездом.
О чём прося? К чему ещё готовясь?
Пора, наверно. В шесть уйдёт автобус...
И что-то каждый раз в душе скребло:
пока ты здесь – тебя спасёт, заслонит
дородный век столешницы-долони.
Ладонь к ладони...
и к теплу тепло...

На роду написано*

Вязким эхом, тяжёлым боем
ухнет полночь, вздохнёт в бреду.
Что чернильно горит в альбоме? Что написано на роду?
То ли чудится мне свечение, то ли время являет быть.
Кто я? Точка пересечения.
В многоточии у судьбы.

Кто мне пишет, года листая, боль и память свою даря –
многодетных крестьянок статных,
обедневших степных дворян,
белый лик – небывало кроткий,
чей-то дух неземных высот.
Стёрта надпись на обороте.
Только «тысяча восемьсот...»
Чей-то голос.
И крест замшелый.
И пробел – как обрыв и стык
тихих пьяниц и сумасшедших –
скромных, сгорбленных запятых.
Это тоже обрывок правды. Не замазать и не стереть.
Знаки, памятники, ограды.
Жизни, втиснутые в тире.

Точка, дочка, росток, тростинка,
 продолжение моей стези.
 Так написано на картинке: чёрно-белый квадрат узи.

Чёрно-белые кадры, пропись
незажившей былой войны.
В кровоточащей книге кроясь, буквы смертью озарены.
Едут танки.
Осколок правды – строки вдавлены в колеи.

* На роду написано. Предопределено заранее в судьбе человека.

Там остались и дед, и прадед.
Незнакомые и мои.

Разольётся многоголосье, и черно, и светло от слёз.
А на месте густых колосьев –
стоэтажный взрастёт колосс,
мой потомок – далёкий правнук,
встал, размялся, лицо умыл...
чертит дерево, голограмму:
встречи-стрелки, и листья-мы.
Даже имя приходит – Мишка.
Он кудряв и зеленоглаз,
симпатичный такой парнишка.
Только странный – и видит нас.
И пытается в сумме данных
рассчитать, отворотить беду.
Пусть не вычислит никогда он,
что написано на роду...

Родился в рубашке*

Не знаю, сколько раз господь тебя сберёг – когда
судьба и смерть вели игру в пятнашки. Белоголовый
сын, кудрявый тополёк, родился и возрос – ни дать ни
взять – в рубашке...

Мальчишки за тобой стоят как за стеной. Девчонки,
маков цвет, гуртуются толпою: чья долюшка? – при-
льнуть к рубахе той льняной и сладко обмереть в бело-
головом поле.

Плюнул – и утёк он за край, за черту.
А навстречу голодные бесы – взревели хором.
Захотел он скинуть рубашку ту,
чтобы тело обнял змеиный холод.
И носила его на руках толпа,
и в чужом пиру он хмелел, шикуя.

* Родиться в рубашке. Быть удачливым, счастливым человеком.

Раздобыл на чужбине драконью шкуру,
скользкую и задранную до пупа.
Сколько бы его ни пытались кликать –
где ж ты, милый? – вьётся вороний клёкот...
И царевны, хищницы, так и липнут,
оседаая на острых шипах-заклёпках.

Но вороги зашли... ты присмирел, примолк. И жжёный
смад потёк от шкуры чужеземной. И кованый доспех
ни капли не помог, и кончилось твоё хвалёное везенье!
Вся удаль утекла испариной к виску. И наложить бы
холст – льняной, родной, не тяжкий, на боль, на маков
цвет в разодранном боку. Чтоб затворила кровь родимая
рубашка...

И увидала смерть твой невредимый лён... И молвила
она: «Ступай себе покаясь. Тебе ещё идти – к родным,
а не в полон... и солнце впереди... и ты живи покамест.
Храни льняную суть – и память, и завет. Веди своих сы-
нов подаренной тропюю. До старости гори, как верный
маков цвет.

А я... я подожду в белоголовом поле...»

Тебе, альма матер

Пушинка...

А.М. (тебе, альма матер, любимая)

Предпоследний экзамен. Глаза поднимаю случайно.

Тополиной пушинкой спустился июнь на окно. Средоточие-семя – опутано дымкой, лучами. Наши истины тоже такие: лучи и зерно.

Мягко нижутся ямбы. Упрямо клонюсь над листьями. Скоро мне отвечать: будет Пушкин, взхлёб, налегке... Здесь пушинкой, растрёпанной звёздочкой юность ви-тает. Так и хочется встать, и поймать, и зажать в кулаке.

Лет пятнадцать спустя. Чью-то душу-пушинку при-манил – то ли ветер, а то ли... доски изрисованной вид. Я вот этот экзамен – сегодня сама принимаю. Несолид-но – подняться – и юность в ладони ловить.

Низко клонятся головы, свет проливается дальше, проплывает пушинка по блику-пятну-янтарю... Вика ручку грызёт, и пытается списывать Даша, ну, наверно, решила: мечтаю, пишу, не смотрю...

Я смотрю. На бумажные горы, бумажные годы. Пыль-ный, душный, отчётно-программный, чужой колорит. Старой гвардии нашей – уходы, уходы, уходы... Только дух... тополиной звездой над буквой парит...

Планомерно, пугающе, массово глушат и душат, вряд ли будет иначе (чтоб так – «пережить, потерпеть...»). Это поезд. Слетает с откоса, и с рельс, и с катушек. И бес-смысленно бьёт... По тебе, по тебе, по тебе.

...Я однажды уйду – пред тобой задержусь ненароком. И в ином измеренье, которое нам суждено... Посмотри на меня – тем июнем распахнутых окон, белым светом с небес – посмотри, я влетаю в окно...

Выпускникам

Не дай вам Бог... Вся жизнь бегом,
и вот – куда же всё девалось?!
Наутро стресс, под вечер вялость,
какой полёт, какой огонь?!

Не тянет *Быть*: гореть, читать,
кидать шальные обещанья.
А помнишь, за полночь, в общаге,
те споры – нашим не чета!

– Да, что-то было... не спасло,
не проросло. Но было близко.
Я помню жалкие огрызки – усохших яблоневого слов.
Снаружи – цвет, белым-бело.
Но изнутри – болезненное древо.
Ночь, улица, свеча горела... Перегорело. Пережгло.

– Да, всё срослось наверняка. Трудоголически непросто.
Убогий позитив репоста. Наташка селфится ВК,
Димон в Москве, уже болезненной,
Алёха бизнесом встревожен,
а с Дашкой встретиться не можем:
мы зверски вымотаны в ноль.

Не дай вам Бог... обрезать ветвь –
отбросить в мусор, гниль и темень.
И под Высоцкого, не в тему,
напиться, вспомнить, пореветь.
Как я играла медсестру, как пела театралка Зоя.
На пальцах старые мозоли –
сошли. Не тронут больше струн.

Да, театральный эпизод... Несло, сияло, било током.
Теперь в театр – с ребёнком только:
на детское, на Новый год.
Открыть «Гранатовый браслет».
Захлопнуть – юность, келью света,
«мечту», «романтику»... Не это...
Не это значит «повзрослеть»!

Теперь, как говорится, «ОК».
Семейность, статусность... Не нужно.
Завидовать – себе, минувшим,
искрящимся, не дай вам Бог.
Гербарий съёжился, продрог.
Распался клочьями сухими.

Я всё же помню Вас – такими.
Не гасните, не дай вам Бог...

Скала

Скала себя не чувствует скалой. Твердыней, подпиравшей облака. Уже не держит ни гранитный слой, ни ветхая древесная рука... Я жалко расползаюсь на куски, удары ветра чувствуя виском. И корни-швы, трухлявы и тонки, скрипят и не скрепляют новый скол. Расселинами въётся монолит, и душит кашель дымной пелены. И мелочь каменистая пылит, и падают опоры-валуны...

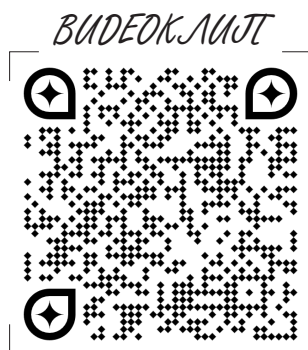
Но камушки... но корни и вода... докатятся по солнечным следам... куда мне путь заказан и куда – мне не по силам и не по годам. Былую твёрдость тихо разокрав, предатель-время схлопнется вот-вот.

Но облако уцепится за край – напьётся силы, дальше поплывёт...

Пахнет оконным пластиком утро-зареве. Росписью на доске признаёт – «своя». С мерного упоительного гексаметра день переходит в бодрый весёлый ямб. Сердце моё, дворец мой, пойми, скажи меня! лучше меня скажи! ты велик, богат... Речь твоя – по наитию постижимая: ясная классика, ломаный авангард.

Вон экспозиция холла. На стенке ссадины. Стенды друг к дружке лепятся чередой. Это завязка – новое расписание. Действие – протяжённостью в коридор. И кульминации чуткое осязание... и под финал какой-нибудь лёгкий тест... Из многоцветного хаоса, из мозаики, строится космос, корпус, любовь и текст.

Пауза. Яркий стикер, на дверь приклеенный. Можно, я позабуду про этикет, стану твоим лирическим отступлением... словно кастальский, синий, родной букет...

Студенческое

*Давнему творческому коллективу
посвящается*

У стеночки в библиотеке, под сенью чьих-то там седин, вторая смена в Политехе – все разошлись, а мы – сидим... Кто хокку тащит, кто романы, кто лиро-эпикой задет. Мы – умницы и графоманы, и всё нам тесно, всё нам мало, мы молодые неформалы своих судеб :)

Под флёр духов дешёвых, дынных, и струн отзывчивую дрожь – мы просто были молодыми, настолько были молодыми, что нас не портил выпендрёж... Под юбилейное печенье, арахис, колу, рок и фолк, мы – книжные зануды, черви, друг другу нужные зачем-то, искали в жизни смысл и толк... Завидовали. Ревновали. Клеймили классику: старьё! Друг друга влёт стилизовали, перепевали-трали-вали, ища своё. Опять своё.

Где парочка, где треугольник. Филфак, физмат и биофак... Любовный опыт чист и горек – прохладный вкус лимонных долек. И послевкусье в трёх строфах.

Мы были – бой, мы были – жалость. Сонет, частушка и трактат... Вот так мы самовыражались. Вот так мы жили, только так.

Мы откровения и тайны. Мы одиноки и близки. Мы антитезы сочетаний – как небо, взятое в тиски. И мы умели – громко, лично, не дожидаясь похвалы. Так безрассудны и лиричны, сложны, скандальны и теплы. Сквозь слёзы, радостно и нервно, летело пачками стишьё... Я и такой была. Наверно.

Ребят, верните мне её...

Ты расти эту сказку, рассказывай...

Не ведёшься на пошлое, лестное, марафетя ранимое «я». Осень – это рисуешь по-честному. Как-то поздно уже для вранья.

Развесёлое буйство – зачем оно? Под стервозную диву закос... Всех друзей насчитала ты четверо – вместо уймы нелепых знакомств. Не рванёшься ты денежно, загнанно – на курорты, на фитнес и в бар... А поедешь, безумная, за город, принимая рябиновый дар. Обсмеешь и прогонишь роскошного претендента на стол и кровать.

Или встретишь родного, такого же, – или будешь одна куковать)

Ветер нижеется ниточкой тоненькой. Рыжий день подливает кваску. И ободранный пёс из питомника осторожно залижет тоску. А наброски отпустишь в безвестие. Им не нужен пиар и гримёр. Осень – это ни время, ни место, но постижение и мест, и времён...

И вот это – спасёт и останется. Обоймёт, вознесёт из глубин. И не надо ни славы, ни статуса.

...Только небо и кляксы рябин, мокрый ветер, по дачке размазанный. Золотой, деревянный настил. Ты расти эту сказку, рассказывай – не на публику, тихо расти... Там игрушки уютно разбросаны, одинокие сны не болят. Кто-то вышний считает по осени напридуманных нами цыплят...

Начинатели

В путь! Вполне земной, не в эфир лучащийся –
тронулись, простились, пошли в слезах.

Через «не могу и не получается» –
вот уже к лопаткам прильнул рюкзак.
Вьются думки вялые, неохотные,
внутренний разумник уныл и груб.
Но кроссовки старенькие, походные
живо разминают дорожный грунт...

И печёт бейсболку июль расплавленный,
потная мордаха горит в пыли.
И сомненья-шавки захлёб облаяли...
А потом заткнулись и отползли.

Где-то буреломы нависнут кручами,
взвоят жуть русалочья у пруда.
Иногда сорвутся, свернут попутчики –
в спину бросят камушки иногда:
«Да куда ж вам, дерзким, – с такими планками
и с такими песнями, слабаки!
Эй, вы далеко ли? И забесплатно ли?
Весь доход – мозоли да синяки...»

Значит, будет так. А иначе – нате вам,
лезьте сами в прошлое-скорлупу!
Мы идём дорогами начинателей,
а вернее, сами торим тропу –
и творим тропу, ни за кем не гонимся,
исполняя данный себе зарок.
...Тут земля поёт человеческим голосом,
спелая трава под щекой не колетса,
небо на сосновых плечах покоится
и стрекочет весело костерок...

Через «не могу и не получается» однозначно стоило начинать.

BUDEOKMUT

Мы неразлучные, разлучённые, я рядом, тише, присядь, не плачь... По мне не надо носить чёрное. Достань из шкафа цветной плащ, я вижу небо – такое вольное, и отблеск песен по городам. Что не сбылось, я другим воинам, как фотокарточку, передам: гудящий поезд, поля, донники, плывёт венок по ребру волны, гурьбой сбегает к реке домики и с визгом плещутся пацаны...

51

лика: дом не порушат к такой-то матери и смерть не жахнет издалека...

... Вчера мне виделось, как с парада они, далёкие, плоть и кровь, чеканным строем прошли обратно – и встали рядом – в другой строй... Вокзал раскрыт, пожары в городе, меж временами дымит щель... А глянешь – нет, ничего подобного: заборчик, яблоня, дом, качель...

Не плачь, сомкнётся времён впадина, мы без надрыва, светло споём, ты вспомни: огненный змей, гадина, лежит затоптан и под копьём, и нет прощенья ему, никчёмному, и нет забвенья, и нет пути, по мне не надо носить чёрное. Ты лучше яркий венок сплети, я здесь, родная, отставить панику, я сон былинки и свет былин, и рожь, и речка, и... я не памятник,

а просто память своей земли...

Бывает мужество отказа.
Твой незатоптанный источник.
Когда оно – не пыль и фраза,
а некий выстраданный «стоп».

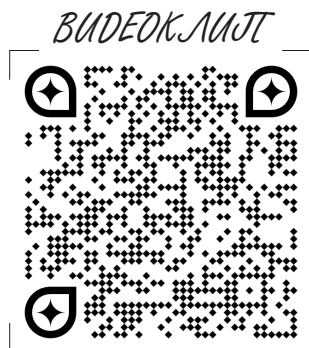
И ты прощён, и снова начат,
и уговоры не нужны.
Пылятся, ничего не знача,
твои успехи и чины.

И не обидают кривотолки, и не проступит вязь клейма,
когда с наезженной бетонки внезапно сходишь
(как с ума) – на ту заросшую тропинку, где глушь
и не видать земли, а только былки, будто пики,
и сухостой, и ковыли...

Испуганно сбежало лихо. Промозглый ливень унялся.
Тебя называли трусом, психом, предателем всего
и вся, а ты уходишь в дрёмь и донник, через овраг,
через бочаг. И будет яблоневый домик, и хрусткий,
ласковый очаг...

А где-то там поделят кассу, твои заслуги подгребут...
Но Кот Баюн расскажет сказку про одинокую избу.
А где-то сцепятся до драки – в минувшем, жадном,
городском. Через ручьи и буераки ты понаделаешь
мостков, и приручишь голубку-эхо,
и лес откликнется чудно...

А так бы – ехал бы и ехал,
лишь изредка косясь в окно,
листая почту бестолково.
И снова взгляд – туда, вперёд,
да что ж там, Господи, такого?!
Тропинка... осень... поворот...

На дорожку

Точат быстрые ручьи земь-рогожку.
Мы присядем, помолчим на дорожку.
Будет плакать белый сад лепестками.
Словно душу в небеса отпуская.
Схлынул дождь, с листвой шепчась, ноги вытер.
Трудно, милый, вот сейчас – встать и выйти.
Трудно руки разомкнуть, взять за плечи...
Дальше поиск. Дальше путь. Дальше легче.

Потечёт кругом дурман незнакомый.
Не забудь же талисман васильковый.
Чтоб не высох мой венок, не расплёлся.
Будет запах травяной и колёса...

Будешь в холе и в чести, разудалый,
на спине земли чертить рельсы-шпалы...
Пусть от ругани-грызни тьма клокочет!
Не умолкни, пой, звени, колокольчик...
Будут похвалами греть, застит небо.
Ты не пой красивый грех на потребу...
Им бы счастьеце продать с пылу с жару.
Птицу-душу в никуда провожая...

Всё, что свято, – сбереги сердцевиной.
Помни тихий перелив соловьиный...
Как легко скатиться в сон, не воскреснуть!
Не теряй же дальний звон поднебесный...
Зыбь лесную, каравай да морошку...
А присядем-ка давай. На дорожку...

Что-то вроде кредо

Вытянешь руки – дадут тебе по рукам,
смех за спиной и голоден, и отрывист.
Вот я влетаю заново в тот капкан,
в собственную доверчивость и открытость.

Пальцы, костяшки, разбиты давным-давно, вот я
стучусь, мне душно, черно и зябко. Я не открою, мне
не откроют, но – там, за дверьми, услышат мою мор-
зянку.

Лучше стучать – чем слышать и не открыть.
Лучше ломать преграды, чем копыя в споре. Лучше
мостом – под тяжестью петъ навзрыд. Деревом, чью
кору топорами вспорют – только в тени сначала най-
дут приют, ну а потом – с оттяжкой – удары лезвий,
вытечет сок, который они не пьют – якобы – он без-
вкусный и бесполезный.

Лучше зверьком, который бежит к огню, к людям бежит в живом заблужденье лютom. Челюсть капкана. Больно. Прожгло ступню. Искры из глаз провисли вокруг салютом. Лучше гореть – призывно и далеко. Лучше открыться: люблю тебя, очень, очень... Сердце – уже намечено для плевков. Щёки – уже подставлены для пощёчин.

Да, я читатель мира, глаза горят, вот я, ладони навстречу, хоть всю берите. Я раскрываюсь, это такой обряд. Вряд ли поверишь, – ты, злоязыкий критик... Я близорука. Можно живописать: пятна и формы выются, ко мне слетая, мир без очков – прекрасный и дикий сад с дымчатыми, расплывчатыми цветами. Сказки мои волшебны, слова просты, если не видела – ведала их и знала. В мире и так достаточно черноты, чтоб исказить счастливую мощь финалов... Не нажила богатства, горя за так, веря за так – награды не выбирала...

Я – не начало. Только ещё затакт,
первая нота праздничного хорала.

Краски

Красный-синий-жёлтый, делю по-братски,
нате, растекайтесь-ка по листу...
Я, наверно, краски... Я просто краски,
ненароком влиплие в красоту.

Как ребёнок, жарко стараюсь класть их –
не готов к такому листок души!
Ух ты, вот коробка, прозрачный пластик,
матовые пуговицы-кругляши!..

Из каких глубин, закровов, котомок –
золотые дюны, седые льды?

Сердце, хулиганистый ты котёнок,
оставляешь в мире свои следы,

а по этим кляксам и отпечаткам
кто-то наплевавший на чертежи
убежит от гнева и от печали,
и даст Бог – к кому-то да прибежит...

*

Острый блик пробьётся, подобен грому, переполошив дождевую взвесь. Господи... заплачу я по-сырому, фреской – горней памятью – буду здесь. Будут пятна крови кропить погибель, капать алым огненные лета. Я приду на воинскую могилу, положу цветы, положу цвета...

В луговые кляксы ступлю босая. И весомо ляжет передо мной – скромный цвет, неброский, но самый-самый. Истинный, коричневый, земляной... Кисточка по небу мазнёт с размахом, вспенит поле мартовским киселём. Вот я, плоть от плоти и прах от праха: и земля, и колос, и василёк.

А когда творенье пойдёт на убыль, попрошу Его на исходе дней... Дай не злато славы, не блеск и удаль: не разбить бы краски. И стать цветней...

Две песни

Эта песня не делит нас
на больших и малых:
вон, попсовы, убоги, бьются за гонорар...
Как хрипатая тётка –
где-то там в виртуалах
мелко злобствует, раздувая былой пиар.

Успокойся, глупая...
Или кусок не лаком?
Перебои с подачками?
Плохо? Не та уж прыть...
Ради косточки, ради горсточки чьих-то лайков
то ль на брюхе ползать,
то ли ущербно выть...

*

И другая Песня ходит по милой вотчине.
Откликаясь на родниковый, военный ритм.
По весне моей,
по Курщине.
Белгородчине.
И она горит, утешает и вновь горит.

О зверье – не том зверье, что скулит надрывно,
у клетушек бродит – хоть прежнее, а жильё...
А о том, что заморским хозяевам лижет рыла,
ждёт подачи –
и тупо жрёт себя самоё.

О всевидящем оке... не вышнем и знаменующем,
а всевидящем дроне через прогал окна.
О заставших мальцами –
прошлую, ту войну ещё,

а теперь, гляди,
к ним эта пришла война.

О весёлом деревце – в подранном сарафане.
О спортзале с койками,
мёртвых телах в воде,
и ребятах с мамками – жертвах чужих «сафари»,
ибо нелюдям
только дай пострелять в людей.

Пойся, милая, пойся.
Если чего не выразить –
только ты и сможешь... Тошно, в глазах рябит,
на фасаде школы наляпано:
всех, мол, вырезать.
Только чёртвов «маляр» своими же был подбит.

Полудохлая шавка мается, рвётся в битву
за пиар – хоть на чём,
на косточке, на щенке.
А у Песни моей в руках автомат ли, бинт ли,
и осколок солнца блестит на её щеке.

Будет юный лес
как мощная колоннада,
и косынка неба,
как правда, вознесена.
А хрипатая тётка... Вовсе о ней не надо.

В опалённую рощицу входит моя Весна.

Передай другому

Мириады проложенных в рифму вёрст,
слёзы украдкой,
 залов кипящий гомон,
бездну, в себя заглянувшую,
 полную звёзд –
обними, объеми – и передай другому.

Грань между небожителями и людьми.
между червём и богом,
 создателем и эпигоном,
всею старостью выстраданной – прими,
благослови,
передай другому.

Много будет кольями
 утыканных ям
на пути к пророческому глаголу.
Пепелища родные
 хранит животворный ямб.
И младую жизнь
передаёт другому.

Изнуряющий труд,
 и калёный кнут,
 и убогий быт,
не эстетский лоск,
 а всё, что горит кругом и
болит, как долюшка женская, ох, болит,
выдержи.
расскажи.
передай другому...

Удаль,
по степи летящую,
веку быломu вослед,
простоту и мудрость слога благого...
и зажжённой рябины
неопалимый свет,
не губи, не гаси –
передай другому...

Оркестровый марш,
всенародная память встаёт сама
сталью,
братской могилой
и громом гордым.
Ты дождись
треугольного выцветшего письма
если выжил и смог –
передай другому...

Деревенскую рань,
с берёзы накапавший сок,
балладный, лютневый плеск,
одинокий гонор...
и гитарный, мощный, разящий навзрыд бросок
всепонятный шквал –
передай другому...

Безнадёгу – словно бы каземат в аду,
златоносные сказки – парусники на регате,
Там, глядишь, и тебя
по цепочке передадут...
если ты не отступник
и не предатель.

Не гнилое, куда-то выпавшее звено,
закатившееся

в сытую щель с разгону.
Как же мало отпущено времени...

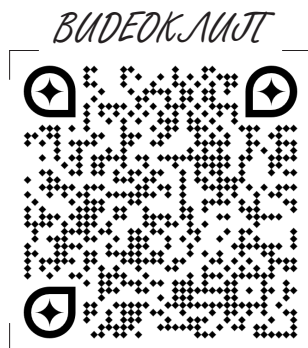
Всё равно...

подержи.

отпусти.

заплачь.

передай другому...

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Язык мой, брат мой</i>	3
Словарь.....	3
Слово (Дерево).....	5
Непойманные (слова).....	6
Зарождение.....	7
Первослово.....	9
Лаборатория.....	10
Прозвища.....	11
Переводчик.....	13
Язык мой, брат мой.....	15
 <i>Касание строк</i>	16
Время копий.....	16
ПУШКИНСКАЯ ДИЛОГИЯ	
1. Море (Александр).....	17
2. Диалог с ним.....	18
Отклики на «Стихотворения в прозе» И.С. Тургенева	
Брат, послушай.....	20
Любовь и Голод.....	21
Книжное.....	23
Выгорание.....	24
Они говорят мне.....	25
Конкурсное.....	27
 <i>Стихофразы</i>	28
К Счастью.....	28
Вторая половина.....	30
Авторские знаки.....	31
Стоячая вода.....	33
Нить жизни.....	35
На семи ветрах.....	36
Божья ладонь.....	38
На роду написано.....	40
Родился в рубашке.....	41

<i>Тебе, альма матер</i>	43
Пушинка.....	43
Выпускникам.....	44
Скала.....	45
Преподское весеннее.....	46
Студенческое.....	48
 <i>Ты расти эту сказку, рассказывай...</i>	49
«Не ведёшься на пошлое, лестное...».....	49
Начинатели.....	50
По мне не надо носить чёрное.....	51
«Бывает мужество отказа...».....	52
На дорожку.....	53
Что-то вроде кредо.....	54
Краски.....	55
Две песни.....	57
 Передай другому	59

Анна Ростиславовна Попова

К Слову...

поэтический сборник

Оформление обложки, макет и вёрстка
А.И. Елисеев, А.Р. Попова

В оформлении обложки
использован рисунок автора

Подписано в печать 25.09.2025 г. Формат 60х84^{1/16}
Печать ризография. Бумага офсетная.
Гарнитура «Cambria»
Объём 3,72 усл. печ. л. Тираж 100 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Горизонт».
302025, г. Орёл, ул. Московское шоссе, д. 137,
корп. 5, оф. 602
Тел./факс: (4862) 30-00-70
E-mail: gorizont_pf@mail.ru